

Юлия
Арвер

18+

Дистьюэ

The illustration is a detailed, high-contrast composition. The upper half is dominated by a close-up of a woman's face, her hair styled in a thick, dark braid. Her eyes are a striking, glowing red, and her expression is somber. She wears a large, ornate earring with a circular frame and a central sphere. The lower half of the image shows a cityscape at night, with several domed buildings illuminated from within, casting a warm, golden glow. The architecture is classical, with arched windows and statues. The entire scene is set against a dark, almost black background, with a strong red color palette that creates a dramatic and mysterious atmosphere.

Румперия. Дыхание магии

Юлия Арвер

Диспноэ

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Арвер Ю.

Диспноэ / Ю. Арвер — «Эксмо», 2025 — (Румперия. Дыхание магии)

ISBN 978-5-04-246977-0

Лиза Келер – наполовину демон, но это не мешает ей охотиться на нечисть профессионально и с удовольствием. Однако ее мрачное прошлое явно связано с жестоким ритуальным убийством дворянина. Лиза должна отыскать тех, кого мечтала никогда больше не встречать, но как же ей мешает новый начальник! Надменный дворянин Кирилл Воронцов явно не так прост, как кажется, и слишком раздражает, чтобы работать вместе с ним. Но что, если в их прошлом гораздо больше общего, чем казалось в начале неудачного знакомства? И это прошлое ведет к тем, кто стоит за убийствами, которым нет объяснения?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246977-0

© Арвер Ю., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Дело № 1. Чужое лицо	6
Глава 1. Комарик стреляет в спину	6
Глава 2. Не то чтобы хороший сюрприз	18
Глава 3. Кресло для мертвой барыни	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Арвер

Диспноэ

Иллюстрация на обложке Кагрі.

Художественное оформление Алёна Шорохова.

© Юлия Арвер, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Раз, два, три, четыре, пять.

Ты забудешь, как дышать.

«Закон. Обязанность. Отвага. Честь»

Девиз Управления по особым делам

Дело № 1. Чужое лицо

Глава 1. Комарик стреляет в спину

Российская Республика, Петроград. 2024 год

Проклятый собор нечистой силы Лиза никогда не назвала бы тем местом, где можно весело провести утро субботы. Если начистоту, утро субботы весело проводить только в постели. На худой конец, в любимой кофейне на первом этаже, с лучшим в мире карамельным латте. Но уж никак не в стенах старого собора, где всю сущность Лизы снова скрутит в морской узел.

«Комарик, не стреляй в дядю. Я и без того весь в шрамах».

«Привет тебе от мамы, кровавая девочка».

«Я же приносил тебе сладости, мерзавка, а ты попыталась убить меня. Дважды! Вся в мать!»

Выстрел в лоб, алая струйка, которую он слизнул языком. Демонов не так-то просто убить... Как и Лизу.

Зонт остался в машине, а на макушку падала мелкая морось. В любой другой день Лиза прокляла бы мерзкую петроградскую погоду, но только не сегодня. Холодные капли отвлекали

от бунтующего нутра. Страх в колотящемся сердце молил уносить ноги от проклятых стен и никогда, *никогда* больше не приближаться к обители Господа, опороченной демонами. Но Лиза не из тех, кто слушался страха. Она давно примкнула к лагерю слабоумия и отваги. Можно сказать, возглавила его. Потому и получала все проблемы, только и успевала подставлять ладошки.

К одной из таких проблем Лиза сейчас и направлялась.

В собор неохотно пускали даже сотрудников службы безопасности, поэтому Лизе пришлось простоять еще с полчаса под неприятным дождем, прежде чем ей выдали пропуск.

– Чего дрожите так? Промокли? – заботливо пробасил обмундированный до зубов охранник средних лет. Из-под черного ворота виднелись лучики защитного знака, вытатуированного на широкой шее.

Лиза знала, что тела служащих собора покрывают тату, форма шьется с вплетением заговоренных нитей, а под ней все они обвешаны талисманами, как новогодние елки. Знала, потому что у самой спину испещряли славянские и скандинавские руны, на ключицах в хитроумных вязях вились защитные оговоры, запястья обеих рук обхватывали набитые «браслеты меткости», на пальце серебрилось сигнальное кольцо, а на шее задорно позвякивали амулеты, купленные у бабушки Лиды. Она, кстати, сколотила состояние на кладбищенских ритуалах и жила теперь не в деревянном покосившемся домике в Юкки, а в трехэтажном коттедже недалеко от родной деревни. Всем бы такую бизнес-жилку и полное отсутствие уважения к усопшим.

– Я из Первого отдела, потому и дрожу, – раздраженно буркнула Лиза. – В удостоверении написано же.

Охранник сочувственно потупился, почесал затылок и молча открыл перед ней тяжелую железную дверь, покрытую рунической вязью. Тех, кого пленили в Проклятом соборе, не сдерживать наручниками, решетками и даже броней.

Лиза ступила внутрь и едва не бросилась прочь. Несмотря на то, что это место вероломно построили по чертежу демона, здесь все еще ощущалось Святое присутствие, оттого и бунтовало все внутри. Лиза стиснула зубы и послушно поплелась за охранником, сжимая руки в кулаки и пряча их в карманы бомбера. Если ей так тяжело, то каково же здесь чистокровным демонам? Лизу передернуло.

– Ну и угораздило же тебя поступить туда на службу. Молоденькая ведь совсем. Восемнадцать исполнилось, и рванула на подвиги, поди. Вон какие отморозки у нас тут содержатся. Их и не убьешь ничем, только сдерживать остается, – болтал охранник. Видимо, тишину он не любил. Зато любила Лиза. – Прибьют еще на этой работе, и поминай как звали.

– Мне двадцать четыре, – ответила она. Длинные косы многих сбивали с толку, отчего ее часто принимали за студентку. Лиза обожала, когда ее не воспринимали всерьез и не видели в ней опасного врага.

– Да ладно! Врешь! Такой молоденькой кажешься, как будто вчера школу окончила.

– Держите язык за зубами, старший унтер-офицер, и не забывайте о субординации. Я старше по званию и требую уважения, – раздраженно выпалила Лиза. Атмосфера не располагала к разговорам, а к тупым разговорам – и подавно.

– Еще всякие соплюхи...

– Я предупредила, старший унтер-офицер. Не стоит недооценивать Первый отдел, – перебила Лиза, поймав возмущенный взгляд мужчины.

Она знала силу своих глаз, знала, как они действуют на людей. Красные зрачки на многих производили впечатление. Чаще от нее бежали с молитвами или ругательствами, реже – рассматривали так восхищенно, будто она забыла снять линзы, вернувшись со сходки косплееров. Лиза ненавидела сущность, что открыла ей дорогу в Первый отдел, но малодушно разрешала ей брать верх, когда та приносила пользу. Сейчас с этой сущностью познакомился и охранник. Высокий и плечистый, он будто бы скукожился и постарел под давлением алых зрачков.

– Нечистая сила, – выдавил он.

– Она самая. Заткнись и веди дальше, пока у меня совсем не испортилось настроение.

Охранник и вправду заткнулся. Он угрюмо зашагал вперед, минуя запутанные коридоры, и повел ее вниз по спиральной лестнице. Лиза боролась с собой, почти до хруста сжимала кулаки и мысленно обзывала чертову лестницу дорогой в ад. На стенах горели электрические лампы, но стоило миновать караул у мощной двери, ведущей в подвал, как их сменили светильники на алхимическом топливе – электричество не работало в помещении, буквально искрящемся магией. Тех, кто томился в подвальных камерах, сдерживала невероятная сила. Она своей потусторонней мощью перебивала все приборы.

Охранник провел Лизу по длинному коридору и остановился у предпоследней двери. Он подобрал нужный ключ и провернул его в замке.

– У вас пять минут, поручик, – неприязненно сообщил он. – Сила демона скована, но я не советую переступать солевую границу.

Лиза кивнула, все прекрасно понимая. Не единожды ей приходилось бывать в Проклятом соборе, но никогда прежде – в одиночестве и по личному делу.

В камере царил полумрак. Алхимическая лампа, спрятанная за решетку, горела тускло. В камере висел спертый дух подземелья. Дверь за спиной захлопнулась. Лиза взглянула на белую линию, густо посыпанную солью от стены до стены, и сделала несколько шагов, остановившись в полуметре от границы.

На узких деревянных нарах сидел в позе лотоса тот, кого она всего несколько часов назад пыталась убить. На худом теле болталась застиранная серая роба, сменившая шелковую рубашку с богатой вышивкой и небесно-голубые джинсы. Ублюдок скакал по городу босым, якобы питаясь от земли русской. Видимо, поэтому ему и не выдали тюремную обувь. На руках демона ночью звякали десятки браслетов, а в ушах болтались сережки с алыми камнями. Сейчас же его тонкие запястья были пусты, как и уши, а длинные, по пояс, черные волосы рассыпались нечесаными змейками. Совсем недавно их скрепляла драгоценная заколка, которую у демона, конечно же, отобрали вместе со всем остальным добром. Эту заколку Лиза хорошо помнила, хотя предпочла бы забыть до конца дней своих. Слишком свежи оказались воспоминания, как легко ее острие протыкало нежную кожу, будто масло. Снова и снова... Снова и...

– Комарик, я знал, что ты придешь, – проворковал демон, окинув Лизу приветливым взглядом алых глаз. Даже не различая их в полутьме, она знала, что они алые. Помнила по детству.

– Дядя Гóрдий. Вот мы и встретились вновь. Я к тебе с тем же вопросом, – хмыкнула Лиза и переступила соляную черту.

– Можешь задать хоть сто вопросов, комарик. Я ничего не знаю.

– Почему тогда твое сердце стучит быстрее? Что-то скрываешь?

– От тебя ничего не скроешь, – картинно вздохнул демон и с гордостью посмотрел на Лизу.

– Ты сам научил меня говорить с кровью. Я вышла талантливой ученицей...

* * *

Майская погода радовала солнечным утром. Черный и на совесть отполированный «Москвич Next Generation 5» блеснул в ярких лучах, как новый рубль, а внутри весело подвывала под рок-кавер старой песни девица в черном топе с «ошейником» и рваных джинсах. Два длинных русых колоска с вплетенными в них черными лентами задорно тряслись в такт неугомонной голове. Водители в соседних машинах, застрявших в пробке на Литейном мосту, с ухмылками поглядывали на девицу. Молодой паренек за рулем старенького «Опеля» показал ей большой палец, получив в ответ воздушный поцелуй и сияющую улыбку...

Вот уже три месяца Лиза каждый день выезжала из дома в семь, чтобы собрать все пробки и успеть на работу раньше начальника. Если она проваливала квест, то покорно склоняла голову, потому что за воротник ей выливалось не только дерьмо, но и совсем уже нестрашные угрозы уволить к чертовой матери и найти кого-то более полезного.

Раньше Лиза ездила на метро, но недавно их оперативной группе привалила крупная премия за очередную командировку. В этот раз они ловили шамана в горах Кавказа, и государство сказало за это щедрое спасибо. Мерзавец истреблял скот и вызывал пожары в отместку за изгнание из села. Тогда Лиза и купила себе новенький «Москвич». Не то чтобы она мечтала именно о российском авто, но ни на «Тойоту», ни на «БМВ» премии со сбережениями не хватило. Так Лиза и стала своим человеком в пробках, певицей, активным слушателем аудиокниг, а еще наконец нашла применение таланту молниеносно показывать обидчикам средний палец. Всего секунда, и очередной олень, который ее подрезал, видел то, что заслуживал. А иногда и слышал, если Лиза успевала открыть окно раньше, чем бедолага жал на газ.

Сегодня ее настроение можно было назвать прекрасным.

«А если эта чертова пробка наконец сдвинется с места, оно взлетит до небес», – сказала бы Лиза, но она уже выла: «Мы разрушим стены, нам плевать на правила, да-да-да. Зови меня «подрывник», детка, да-да-да»¹.

Пробка все-таки продвинулась, и уже скоро Лиза приткнула машину у бордюра, совсем рядом с историческим зданием Республиканской службы безопасности. Управлению по особым делам там выделили целое крыло, свою охрану и даже отдельный КПП.

Лиза взглянула на часы, которые показывали, что в запасе у нее осталось двадцать минут. Выходные маячили совсем близко, и она с наслаждением представила, как завтра во всех позах с огромным удовольствием... выспится. Всю прошлую неделю Лиза провела на работе, как и позапрошлую. Эти выходные у нее не отберет даже внезапно восставший легион трупов на всех кладбищах Петрограда. В случае чего она попросит их подождать до понедельника.

Республика не рухнет, если Лиза нагло выключит телефон и поспит дома два таких коротких денька. Империя, правда, рухнула тридцать три года назад, но в этом виновата не Лиза и даже не легион трупов, хотя его, если начистоту, тоже пытались поднять. Трупы остались лежать в земле, а на месте некогда могущественной империи возник десяток республик, крупнейшей из которых стала Россия.

Решив не думать об армии покойников, Лиза направилась к любимой кофейне, которая, как и всегда, наполнилась сотрудниками службы безопасности. Некоторых Лиза знала, поэтому сдержанно поздоровалась. С кем-то была незнакома, некоторых предпочла бы не знать, но от одного не удалось бы отвертеться, как бы ни хотелось.

– О, Лизавета, рано ты сегодня. Твоя рухлядь научилась быстро ездить? – съязвил Ник, возвышавшийся почти в самом начале очереди. Лиза подошла к нему и нагло втиснулась рядом.

– Зато рухлядь, купленная на свои денежки. Чуешь разницу, мажорчик? – отшутилась она, глядя на Ника снизу вверх. Он не обижался на ее сарказм, несмотря на то что от других не терпел этого пренебрежительного «мажорчик».

Николай Александрович Баркалов – единственный ребенок главного акционера строительной компании «Барк Строй». Наследник рода, входящего в Золотой список. Наследник, к которому перешел дар отца. Пусть ослабевший за столько поколений, но все же древний магический дар, доставшийся от предков-волхвов, поцелованных кем-то из богов. Правильный дар, подаривший Николаю Баркалову уважение и почитание, в отличие от тех, кому не повезло родиться с демонической кровью в жилах. Таких, как Лиза.

¹ Строчки из песни группы Ice Limit «Подрывник». Ее поет вся Российская Республика, не только Лиза.

Лиза и Ник никогда не познакомились бы, если бы не пожар в его коттедже, устроенный... самим Ником. Пьяный вдрызг, он заснул с зажженной сигаретой. Такие же пьяные друзья, устроившие вечеринку у бассейна, не заметили дыма из его спальни. Как только Ник не задохнулся, осталось загадкой. Вовремя придя в себя, он выпрыгнул со второго этажа и благодаря тому самому правильному дару не переломал ноги, но дом спасти не удалось.

Тогда-то Баркалов-старший и решил, что разбалованного сына пора перевоспитывать. Он не нашел ничего лучше, кроме как обратиться за помощью к другу детства – Алексею Воронцову, возглавлявшему Управление по особым делам. То самое, где работала Лиза, и то самое, куда в итоге запихнули на перевоспитание нашкодившего мажорчика.

Несмотря на легкий и дурашливый нрав, Ника в Первом отделе, который за глаза называли сборищем нечисти, принимать не спешили. Новичка сторонились и открыто игнорировали, издевательски звали папиным сынулей, мажорчиком, золотым мальчиком, но Баркалов терпел. Ник оказался упрямей осла и решил доказать отцу, что умеет не только позорить фамилию. Он работал, сцепив зубы, помогал тем, кто его не принимал, и вскоре заслужил уважение Лизы. Она первая проявила участие к Нику, и он ухватился за нее, как за спасательный круг.

Лиза всегда считала себя одиночкой и с удовольствием отделалась бы от нежеланного друга, но Ник и в этот раз проявил упрямство. Он прилип так, что не отлепить, и за полгода Лиза вынужденно привыкла к его присутствию и дурацким шуткам. Однажды она назвала его другом и удивилась, как непринужденно это вышло, несмотря на детскую клятву *никогда* не заводить друзей. Далеко не все могли вытерпеть Лизу дольше недели, а Ник терпел *добровольно*. Чудеса!

Лиза, как всегда и бывало, заказала огромный латте под насмешливым взглядом Ника, который пил исключительно эспрессо, называя все остальное ослиной мочой.

– Когда же у тебя начнется аллергия на кофе? – спросил он, с ужасом глядя на большой стакан в руках Лизы, куда она бухнула три стика сахара.

– Тогда же, когда ты перестанешь задавать тупые вопросы.

– Никогда?

– Никогда.

Весело переругиваясь, они отправились к своему КПП. Дожить бы до вечера, а потом спрятаться дома и выключить телефон. Такая простая мечта! Но мечты Лизы никогда не сбывались.

– Эй, мажорчик, что ты в отчете напишешь? – с напускной леностью спросил у Ника Тагир – наполовину дагестанец, наполовину... тоже дагестанец, но с далекой примесью демонической крови. Этот громила мог одним ударом проломить стену, череп, штангу и самооценку любого боксера. А еще Тагир обладал красивыми глазами с поволокой, ревнивой девушкой и вечно ломающейся «Хондой», которую с отцовской любовью чинил чуть ли не пару раз в месяц.

Ник с усмешкой покосился на Тагира и ласково спросил:

– Яхонтовый мой, спрашивай точнее: собираюсь ли я написать, что заговоренные кое-как могильные талисманы оказались в желудке у контрабандиста сами по себе. Ты же именно это хотел спросить?

Тагир скрипнул зубами от ненавистного «яхонтовый» и кивнул. Он навис над монитором Ника, как гора, но тот совершенно не впечатлился. Баркалов потерял бриллиантовую серезку в ухе, делано задумался на пару секунд и улыбнулся:

– А как еще они могли там оказаться? Не ты же их туда закинул. Может, этот дятел их сам проглотил, чтоб не отдавать. Мы – цивилизованные оперативники, всей душой чтим УПК², а закон «Об оперативной деятельности в особых условиях» повторяем перед сном по статьям.

– Значит, и про синяки ты напишешь...

– Правду напишу. Разве вправду я утаить, как этот сумасшедший бился головой о мусорные баки? Контрабандисты – люди странные. Пугают меня своими выходками. Их бы на вменяемость проверить.

Лиза не сдержалась и хихикнула в кулак. Ник подмигнул ей, а Тагир хмуро зыркнул. Их с Лизой отношения можно было назвать вынужденным взаимным пактом о ненападении.

– Пора запомнить, что я своих не сдаю. Тем более придурок получил по заслугам, – посерьезнел Ник.

– Твои свои – это «золотые» детки.

Баркалов хмыкнул и гордо отвернулся, мгновенно позабыв о присутствии сослуживца. Был у него талант вмиг демонстративно переставать замечать людей.

– Тагир, ты бы лучше спасибо сказал, а не быковал, – буркнула Лиза, окинув здоровяка красноречивым взглядом исподлобья. Там наверняка мелькнули красные искорки.

– Спасибо, Николай Александрович. Челом бью вам и вашей защитнице.

– Тагир, – с нажимом процедил Денис. Этот парень с самого первого дня защищал Лизу от нападков, да и вообще вел себя взрослее их всех. Наверное, потому что и был взрослее, правда, выглядел лет на двадцать. Поэтому Денис и носил бороду – она придавала хоть немного суровости. А еще на его затылке красовался кукундель, как говорила Лиза, или стрижка Man Vup, как однажды снисходительно сообщил ей Ник.

– Что? Мажорчик не обижается на мои шутки.

Довольный собой Тагир неторопливо вернулся на место и с видом победителя закинул ноги на стол. Он тут же достал из кармана телефон и застрочил очередное сообщение – наверняка своей ревнивой даме, которая так долго ждала предложения, что в отделе уже делали ставки на то, как скоро Тагиру отрежут яйца.

Денис закатил глаза и криво усмехнулся, взглянув на Лизу. Та скорчила красноречивую рожицу, будто ее вот-вот стошнит. Такие рожицы наверняка попали в топ причин, почему ее скорее терпели в отделе, чем любили.

Часы подбирались к десяти. Полумрак большого кабинета разрывал холодный свет настольных ламп и мерцание мониторов. Скоро Борис Борисович, он же Бор Бор, он же начальник Первого отдела, наконец торжественно уйдет домой, тогда смогут сбежать и остальные. Над кабинетом для пятерых человек разлилось спокойствие. Каждый занимался своим делом, неторопливо отсчитывая минуты до долгожданного выходного.

Резкий звук телефона для внутренней связи разорвал тишину и заставил всех раздраженно закатить глаза. Телефон в такое время не звонил просто так. Никогда.

Руслан, зам Бор Бора, поднял трубку и со злостью процедил:

– Лавров слушает.

Пока Руслан молчал, остальные мысленно прощались с долгожданным выходным. Если Первый отдел вызывали на ночь глядя, то ничего хорошего ждать не стоило. Это не скучные дежурства, с которыми справлялись Второй и Третий – огромные отделы, где работали оперативники с должной подготовкой, но без магического дара.

– Сон отменяется, – повесив трубку, сообщил Руслан очевидную истину: все и так поняли. Не хватало только фразы: «К нам едет ревизор». – На Дворцовой набережной, прямо у Зимнего дворца, творится вакханалия. Незнакомые люди попросту... хватают друг друга,

² Уголовно-процессуальный кодекс.

избивают до полусмерти и смеются как сумасшедшие. Есть трупы, среди них несколько полицейских.

– Смеются? – опешил Ник.

– Именно. Ими кто-то управляет. Кто-то, кто очень хочет, чтобы его представление заметили.

– Кровавую бойню в сердце Петрограда трудно не заметить, – пробормотала Лиза.

– Транспорт подадут через пару минут. С нами едет Второй отдел. Минутная готовность, – распорядился Руслан.

Несмотря на внутренние распри, оперативники Первого отдела работали, как единый механизм. Лиза надела наплечную портупею, проверила магазины с патронами, вымоченными в живой воде, и нацепила на шею, к остальным талисманам, которые никогда не снимала, талисман от подчинения – тяжелый черный камень, который всегда оставался теплым. Пистолет – выдавший виды, но надежный ПМ – всунула в кобуру, будто шпагу, и накинула черный бомбер. На бедрах застегнула пояс с заговоренным матерчатым ошейником, бутылочкой с живой водой – универсальным средством от одержимости – и наручниками для демонов. А уж в том, что виновник сегодняшнего торжества на Дворцовой набережной – чистокровный демон, сомневаться не приходилось.

Уже в коридоре они столкнулись с Бор Бором, который повел Первый отдел к пропускному пункту. Сегодня они вынужденно действовали в усеченном составе. Пятеро оперов торчали в командировках, помогая местным отделам по особым делам в сложных случаях.

У КПП ждали два микроавтобуса, в которые уже загружался Второй отдел. Третий, как и всегда, почти целым составом рассыпался по Петрограду и губернии для круглосуточных дежурств, поэтому в их деле был бесполезен. Лиза, как это и бывало в последние полгода, держалась ближе к Нику. Она не боялась за себя, но переживала за друга. Он еще не успел стать опытным бойцом, обладал не очень-то полезным даром, но стрелял метко благодаря вязи на запястьях. Ловить банды контрабандистов, торгующих талисманами, под прикрытием спецназа службы безопасности, – это безопасный уровень Ника. Серьезней сегодняшнего дела в последние пару лет не случалось, и Лиза опасалась, что Баркалов попадет в беду.

Ехали молча и совсем недолго – чуть больше десяти минут. На подъезде к Зимнему дворцу пришлось остановиться – из-за скопища машин проезд оказался закрыт. Людей вокруг не было. Наверняка все в страхе разбежались. Даже полицейских оказалось преступно мало – то ли испугались, то ли начальство приказало расчистить путь для Управления.

Из-за скопившихся машин, наехавших друг на друга, не удавалось рассмотреть весь ужас происходящего, но громкий, почти потусторонний смех десятков людей отчетливо разносился над Дворцовой набережной. А еще... шлепки об воду.

– Не смей прыгать в воду! – надрывался кто-то. Похоже, полицейский.

Оперативники Первого и Второго отделов тут же разделились. Несколько человек из Второго двинулись к парапету, чтобы обезвредить околдованных людей. Каждый держал наготове баллончик с живой водой.

Первый отдел двинулся к Зимнему дворцу, пробираясь между пирамидами из авто. Вдалеке слышались мигалки – к месту происшествия наверняка следовал спецназ на бронированных машинах. Медики тоже дежурили неподалеку, но ближе их не подпускали. Слишком опасно.

Кровавая бойня представала все отчетливее. Люди, десятки людей – туристы из разных стран и обычные прохожие – сцепились друг с другом. Женщины дрались с мужчинами, подростки – со взрослыми. Пара десятков избитых до смерти тел изломанными, бесформенными кучами лежали на блестящей от крови проезжей части. Среди них обнаружили трое полицейских. Одному, ближайшему к Лизе, проломили голову металлической трубой, которая валялась неподалеку.

Лиза была неправа. Столь громкого дела не случилось за все четыре года ее работы.

Руслан махнул Тагиру, всунул ему в руку баллон с сонным газом и ринулся в толпу. Они распыляли вещество одновременно, при этом Тагир отталкивал от Руслана особо настырных любителей подраться. Оперативники, как по команде, закрыли носы платками. Несколько секунд, и газ испарится, оставив после себя спящие, избитые до полусмерти тела. Но что-то пошло не так именно тогда, когда не должно было пойти не так. Люди не засыпали. Напротив, распались сильнее. Единственным вариантом избавить их от одержимости осталась живая вода, но просто так такую толпу ею не умыть.

Одержимые с кулаками набросились на Руслана и Тагира, и бойцы Второго отдела сию же секунду ринулись им на выручку.

– Ублюдок где-то поблизости! Невозможно контролировать столько людей издалека! – выкрикнул Бор Бор. – Всем разделиться и искать демона!

С этими словами он схватил телефон и набрал номер дежурного. Лиза слышала его вопль: «Запрашиваю подкрепление! Весь Второй отдел! Срочно!», – прежде чем со всех ног рвануть наперерез девчонке лет пятнадцати, твердо шагавшей к каменному парапету. Она собиралась прыгнуть, и Лиза никак не могла этого допустить. Она потеряла из вида Ника, но возможная смерть девочки вытеснила мысли о нем.

Сирены слышались все ближе – спецназ вот-вот будет здесь. Нужно запретить им приближаться. Если вооруженные люди попадут под власть демона, они положат всех, включая Первый и Второй отделы. Лиза лишь надеялась, что на спецназовцах надеты те же талисманы, что висят и у нее на шее.

Она выхватила из крепления на поясе бутылочку с живой водой и ускорила. Только бы успеть и оттолкнуть одержимую девчонку! Та почти уперлась в парапет, но передумала и рванула дальше – в сторону Дворцового моста. Лиза припустила за ней, понимая, что не зря девчонка поменяла курс. Кто-то вел Лизу в ловушку, но она приготовилась в нее попасть.

Сзади слышались выстрелы. Только бы не спецназ! Лиза запретила себе оборачиваться, зная, что сейчас должна следовать за девчонкой. И следовать пришлось недолго. Движение на Дворцовом мосту парализовали машины, выстроенные в ровные ряды. Из них как будто построили оборонительные укрепления. Водители выстроились по обе стороны моста, прямо у перил, неживыми фигурами. Все они молча смотрели на воду, будто готовились вот-вот прыгнуть.

Девчонка бежала все дальше, к центральному пролету, который скрывался за очередной полосой машин. Лиза достала из кобуры пистолет и сняла с предохранителя, приготовившись стрелять в любую секунду. Ветер с примесью мелких брызг гулял по мосту и трепал волосы, но тело не замечало холода. Остались лишь бешеный адреналин и замершее сердце. Лиза чувствовала, что рядом... некто. Тот, у кого кровь текла совсем не так, как у людей по обе стороны от нее. Кто-то иной. Демон...

Девчонка остановилась перед последней оборонительной чертой из машин, но спустя миг вдруг рванула к перилам. Лиза едва успела перехватить ее, прижав к земле всем весом. Девчонка брыкалась, но, схлопотав пощечину, на миг замерла. Этой заминки хватило Лизе, чтобы другой рукой выхватить бутылочку с живой водой и одним нажатием пальца брызнуть ей в лицо. Девчонка обмякла и прерывисто вздохнула. Глаза распахнулись от ужаса. Спасена. Пока.

Лиза не могла отвлекаться на спасенную дольше, чем на пару секунд, и мигом поднялась на ноги. За машинами кто-то стоял, прямо посередине центрального пролета. На этом самом месте мост каждую ночь разрывался пополам, как лист бумаги. Наверняка тот, кто устроил кровавое побоище, выбрал место встречи неслучайно. Он стоял в центре символа Петрограда. Показушник.

Тошую фигуру в широком черном балахоне Лиза разглядела, едва вышла из-за оборонительного рубежа машин. Длинные черные волосы демона, собранные в хвост, развевались на ветру. В глаза бросились светло-голубые джинсы и множество браслетов на тонких запястьях. Ну надо же, он казался почти человеком.

Демон не смотрел на Лизу. Он отвернулся, будто специально позволяя ей изучать его спину. Откуда-то мерзавец знал, что она не выстрелит в первые же мгновения. Но Лиза считала себя той, кто умеет удивлять. Она вскинула пистолет и выстрелила ублюдку между лопаток. Пуля попала ровно в цель – должна была раздробить позвоночник. Конечно, демон тут же исцелился, но ранение все равно причинило боль. А еще заговоренная пуля ослабила его.

Демон охнул и согнулся всего на несколько мгновений, но совсем скоро гордо расправил плечи и медленно повернулся к Лизе. Она долго вглядывалась в знакомое лицо, не веря своим глазам. Сердце забило где-то в горле. Дядя Гордий! Лиза помнила его. Помнила, как добрый юноша приносил ей сладости, а потом резал, колот и бил, не переставая с нежностью улыбаться. Теперь же добрый-жестокий юноша с удовольствием убивал людей, привлекая к себе внимание. У него получилось талантливо и театрально.

Лиза смотрела в глаза с алыми зрачками, которые, казалось, даже светились в мягких отблесках фонарей. Дядя Гордий совсем не изменился за прошедшие четырнадцать лет. Не постарел ни на день. Демон же. Какое тут старение? Мерзкие отродья, чистокровная высшая нечисть, десятилетиями оставались молодыми и прекрасными снаружи, но отвратительными внутри. Лиза, как никто, это знала.

– Комарик, не стреляй в дядю. Я и без того весь в шрамах, – ласково пропел Гордий и ухмыльнулся. Длинные выступающие клыки, мелькнувшие всего на миг, придали ему схожести с диким зверем. Гордий и был им – порождением зверя в теле человека.

Комарик... Лизу передернуло, и Гордий наверняка это заметил.

– Отпусти людей, – процедила она, все еще держа его на прицеле.

– Пока не хочу. Видишь ли, я не намерен заканчивать перфоманс так быстро, комарик.

С набережной доносились выстрелы, сирены, смех и ругань. Все звуки смешались, осталось лишь неторопливое течение крови в теле Гордия. Лиза сделала шаг, поймав его взгляд. Тот ухмыльнулся шире, вновь блеснув клыками.

– Ох, совсем забыл сказать. Привет тебе от мамы, кровавая девочка. Она не то чтобы скучает, но помнит о тебе.

Услышав о матери, Лиза прищурилась и искренне, яростно захотела, чтобы кровь в теле демона вскипела, как бульон в кастрюле, чтобы органы сварились в мерзкую кашу, чтобы его гнилое сердце замерло. Демонов так просто не убить, но она попытается.

Секунда сменялась секундой, но ничего не происходило. Гордий нагло пялился ей в глаза и улыбался. Когда стоять вот так стало невыносимо, он расхохотался.

– Я же приносил тебе сладости, мерзавка, а ты попыталась убить меня. Дважды! Вся в мать! – Гордий давился мерзким смехом и словно совсем позабыл о жертвах. – Чтоб ты знала, эта мерзкая часть твоего дара на меня не действует. Она гораздо слабее демонической природы.

– Где она? Где моя мать? – гневно рыкнула Лиза, неосознанно вцепившись в ворот его рубахи, но вместо ответа получила издевательское цоканье языком.

Гордий хотел что-то сказать, что-то явно неприятное, но ему помешал выстрел в лоб. Лиза в страхе отшатнулась. Только бы никто не слышал, что мерзавец говорил о ее матери. Если Лизу сочтут соучастницей, если заинтересуются ее неофициальным прошлым, конец карьере в Управлении. Нет-нет-нет, нельзя допустить этого!

Из-за машин вышел Ник, все еще держа пистолет на изготовку. Гордий слизнул языком струйку крови, задорно бегущую из дыры во лбу. Отверстие быстро затягивалось, а зубы демона так и остались окрашены собственной кровью. Клыкастая улыбка показалась еще ужасней.

– Ты в порядке? – бросил Ник Лизе и, не дожидаясь ответа, выстрелил еще три раза. – Чего стоишь?! Вяжи его!

Опомнившись, Лиза дрожащими руками завязала на шее Гордия матерчатый ошейник, который обжег его бледную кожу. До ее носа долетел запах паленого мяса, но демон даже не поморщился – даже виду не подал, что ему больно. Наручники, испещренные рунической вязью, надежно сковали силу мерзавца.

Ник дернул Гордия за воротник, и тот с неохотой поднялся. Несмотря на ошейник и наручники, совсем обессилевший и пожираемый болью, он держался как победитель. Гордий зыркал на них откровенно издевательски и все равно выглядел господином, которого распоясавшиеся крепостные решили судить глупым судом.

Лиза, не теряя времени, подняла руку с сигнальным кольцом, и то выстрелило красной искрой в небо.

Люди, застывшие у перил, пришли в себя, будто кто-то невидимый вдруг нажал на пробел, и фильм продолжился с прежнего места. Кто-то закричал, кто-то запричитал и бросился к машине, кто-то осел на землю. Одна впечатлительная девушка свалилась в обморок, а над ней хлопотал такой же ошарашенный мужчина. Крики на Дворцовой набережной стихли. Еще минута, и завывли новые сирены. Похоже, медиков пропустили.

– Почему ты разговаривала с ним? Язык чесался? Так поговорила бы со мной, а не убежала молча, геройша долбаная! Я чуть не поседел, когда ты исчезла, – ворчал Ник. Гордий, которого он все это время тащил за собой за шкирку, гадко хихикнул.

– Мы давно знакомы с комариком. Правда, Лизочка?

– Заткнись, пока я не запихнула тебе в рот носок.

– Фу, как некрасиво. Юная барышня, а выражаешься как быдло. Я глубоко обижен, – кривлялся тот. Будто Гордия совсем не волновало, что его вот-вот отправят в худшее место, где только может очутиться демон. В Проклятый собор. Тюрьму для демонов.

Ни в одну церковь не мог зайти тот, в чьих жилах текла хоть капля демонической или нечистой крови, но Проклятый собор построен по чертежу демона и тем самым им осквернен. Это единственное место, куда открыт вход таким, как Гордий или Лиза, но при этом они непременно испытают там столько боли, что на всю жизнь хватит. Даже на такую долгую, как у Гордия. И в этом беспросветном ужасе десятилетиями томились демоны. Пожалуй, многие из них предпочли бы умереть, но это было бы слишком милосердно. Люди все же надеялись однажды использовать их, подчинив себе. Ну, еще и не могли убить их, конечно же.

Лиза со злобой сжимала кулаки, вспоминая, что именно дядя Гордий назвал ее комариком. Он придумал это ласковое прозвище, когда мать в ярости обозвала ее неудачным экспериментом, но позже оно стало ее кошмаром. Гордий обучал Лизу, потому что у матери не хватало терпения. Уж его запала хватило бы на десятерых таких бесталанных учениц, как Лиза. А потом исчезло все: мучения, мать, он и даже дядя Алан. Дядя Алан и дядя Гордий не переваривали друг друга, бесконечно ссорились и дрались. Лиза боялась их громких перепалок, а мать, казалось, получала от них удовольствие. А еще она повторяла, что демонам доверять нельзя, и относилось это в первую очередь к ней.

– Лизавета, о чем он? – угрожающе спросил Ник. Он знал, что подобные тайны могут иметь последствия. Смертельные.

– Я расскажу тебе потом.

– Не уверен. Красное лицо Бор Бора сулит нам скорую смерть, – фыркнул Баркалов, увидев бегущего к ним начальника.

Бор Бор и вправду несся навстречу со всех ног, от него не отставали Руслан и Денис.

– Ты! Одна поперлась на мост! Какого хрена, Кёлер?! Ты меня в могилу сведешь когда-нибудь! – орал начальник, пока Руслан с Ником уводили Гордия. Заместитель Бор Бора

не побрезговал отвесить пинок демону, отчего тот недовольно заворчал, но огрызаться не решился.

– Это было просто, Борис Борисович. Зачем так волноваться? – выпалила Лиза и вдруг замерла. Все и вправду слишком просто.

Предположим, Гордий ждал в ловушку именно ее и, болтая, расслабился. Но почему он не почувал Ника? Вряд ли такой могущественный демон позволил неопытному оперативнику приблизиться, просто отвлекшись. Он... будто знал, что попадется. Знал и ждал этого. В него выстрелили несколько раз. Гордий мог хотя бы попытаться убить Лизу, но он только ухмылялся и бросался колкими фразочками. Позволил проделать в себе решето. Слишком просто. Слишком.

Бор Бора простота не смущала. Он краснел и вопил на Лизу, обзывая идиоткой, из-за которой у него однажды случатся инфаркт, инсульт и гипертонический криз одновременно. А еще проклинал тот день, когда повелся на ее милую мордашку в личном деле и дал добро на назначение.

– Уволить бы тебя, дуру!

– Ну так увольте, – ухмылялась Лиза, покорно следуя за начальником к набережной, которая уже наполнилась машинами спецназа и скорой помощи.

– Вот найду замену и сразу уволю.

– Не найдете. У меня слишком грязная работа.

– Не грязней твоего языка, Кёлер! Как же ты меня бесишь!

Лиза только самодовольно хмыкнула, отряхивая запылившийся бомбер – испачкала, когда навалилась на околдованную девчонку. Пожалуй, Лиза давно взяла себе первенство в черном списке Бор Бора. Но несмотря на постоянные перепалки, нервный начальник никогда не пытался уволить ее всерьез, только грозился семь раз в неделю. Это у них превратилось в нечто вроде ролевой игры: Бор Бор увольнял, а Лиза делала вид, что испугалась.

Лиза равнодушно смотрела, как медики накрывали мертвые тела черным брезентом и грузили их на носилки. Избитых до полусмерти людей провожали до машин скорой помощи, отряд особого назначения обыскивал каждого и зачищал набережную. Вдалеке толпились журналисты. Что-то они припоздали. Все самое интересное уже закончилось. У Бор Бора разрывался телефон. Еще бы! В столице Республики неслыханное кровавое представление! Его еще долго не оставят в покое.

Ответив на очередной звонок, Бор Бор замер, и зазевавшаяся Лиза врезалась в его могучую спину, едва не расшибив нос.

– Ой! Борис Борисыч, вы бы поосторожней тормозили! Так вам на дороге однажды в задницу въедут.

В любое другое время Бор Бор рывкнул бы что-то вроде: «За своей задницей следи и язык помой с мылом», – но он промолчал. Лиза напряглась. Неужели инсульт?

Бор Бор, побледневший до цвета мела, обернулся к ним, но как будто не видел никого перед собой.

– На стене нашего Управления распяли мертвое тело. Это дворянин из «Золотого списка». В крыле никого не было. Все здесь. По моему приказу.

Глава 2. Не то чтобы хороший сюрприз

Все слишком просто. Слишком демонстративно. Слишком складно. Единственная сложность – человек, прибитый к зданию Управления по особым делам.

Лиза гоняла в голове разрозненные мысли, как мячик для пинг-понга, пока с тяжелым сердцем плелась к месту, где к стене, между двумя окнами, огромными гвоздями прибили тело молодого человека в джинсах и явно дорогой кожаной куртке. Белая футболка окрасилась кровью, а синюшное лицо скрывали светлые пряди модной стрижки. Золотой мальчик, которого жестоко распяли на стене уже мертвым.

Эксперты и криминалисты маячили рядом, фотографировали труп с изувеченными гвоздями конечностями и периодически матерились. Какой же силой нужно обладать, чтобы прибить тело к камню? На месте уже топтался начальник Управления по особым делам Алексей Воронцов и даже глава службы безопасности вместе с тремя замами. И все они, как собаки на кости, уставились на бледного Бор Бора, едва тот приблизился. Начальник Второго отдела держался за его спиной и наверняка благодарил Бога, что командование операциями такого масштаба всегда оставалось за начальником Первого.

– Апухтин! Какого черта?! Почему к стене Управления прибивают труп, но всем наплевать?! Он провисел целых полчаса! – Громкий бас Воронцова звенел от едва сдерживаемого гнева. Если Лиза кого и опасалась в Управлении, так это начальника – высокомерного, жесткого и скорого на расправу. Дворянин из «Золотого списка». Хорошим человеком он не мог быть по определению.

– Уверен, убийство связано с происшествием на Дворцовой набережной. Нас будто специально выманили из здания, – отрапортовал Бор Бор, вытянувшись в струнку перед начальством. Лиза даже почувствовала... жалость. Ей вдруг захотелось крикнуть что-то вроде: «Молчать! Только мне можно доводить Бор Бора, а вы не смейте!»

Первый и Второй отделы толпились за спинами начальников. Каждый мечтал сделаться как можно незаметней, чтобы не получить дерьма в лицо от грозных руководящих дядь. Это вам не с Бор Бором собачиться. Один только Воронцов внушал ужас любому подчиненному, не говоря уже о начальнике всей Республиканской службы безопасности. Лиза, несмотря на средний рост, казалась малышкой по сравнению с громилами из своего отдела. Она очень удачно пристроилась за спиной Ника, но тот задумчиво вышел из строя, совсем забыв о ней. Лиза возмущенно вытаращилась на друга, пытаясь понять, какого черта он творит.

Ник, будто замороженный, изучал труп. Похоже, он знал убитого, потому что выглядел слишком уж пораженным. За год работы в Первом отделе Ник привык к мертвецам и на другие трупы так не реагировал. Он так засмотрелся, что столкнулся с криминалистом. Тот возмущенно шикнул и отодвинул с дороги мешающегося Баркалова.

Из толпы руководителей отделился высокий парень, прежде державшийся за спиной Воронцова. По виду – вчерашний студент и ровесник Ника. Он был одет в узкие серые брюки и белую рубашку с закатанными до локтей рукавами. На запястье поблескивали часы – точно не китайская копия из маркетплейса. Черные волосы лежали волосок к волоску, будто незнакомец потратил полдня на укладку, прежде чем приехать поглазеть на труп. Очки в черной оправе могли бы придать ему серьезный вид, но с этим уже справилось надменное выражение лица. Офисный прыщ дворянского происхождения. Лиза таких не любила, а дворян видела издали, будто на них моргали маячки. Ее наметанный глаз с ходу определял дегенератов и аристократов. Иногда эти два подвида сходились в одном лице. Хоть с падением империи дворянство официально отменили и вся вчерашняя знать мигом утратила все титулы, им самим об этом за три десятилетия, похоже, никто так и не сообщил.

«Рожа просит кирпича», – сделала вывод Лиза, наблюдая, как незнакомец по-дружески хлопнул Ника по плечу. Баркалов отвлекся от созерцания трупа и пожал ему руку. Понятно.

Бор Бор устало окинул взглядом Первый отдел и приказал:

– Всем ждать указаний на рабочих местах. Я на совещание.

Скорее, на казнь. По крайней мере, выглядел Бор Бор соответствующе. Он так устало плелся за начальниками к центральному входу, будто в кабинете руководителя службы безопасности его как минимум четвертуют.

Незнакомец в очках за мужчинами не пошел, оставшись рядом с Ником. Баркалов отвлекся на него, и Лиза ненадолго выдохнула. Очкарик, сам того не зная, оказал ей услугу. Чем дольше Ник не вспомнит о ней, тем больше времени будет на то, чтобы придумать правдоподобные ответы.

Эксперты потихоньку вытащили огромные гвозди из конечностей трупа, упаковали его в черный брезент и осторожно опустили на носилки. До ушей Лизы донеслось одно-единственное слово «асфиксия». Значит, парень задохнулся, прежде чем из него сделали кровавую инсталляцию.

– Какая жизнь, такое и распятие, – буркнул Денис, и Лиза мысленно с ним согласилась.

В кабинете они наконец смогли обсудить произошедшее. Отсутствием оперативников воспользовались, это и ежу понятно, но крыло Управления не стояло совсем уж пустым. Там оставались караульные и дежурные. Некто смог пришпилить мертвое тело к каменной стене четырьмя огромными гвоздями быстро, четко и совершенно бесшумно.

– Попомните мое слово, назревает что-то нехорошее. Фигово это, когда сильные демоны высовываются так явно и нагло. Хлебнем еще дерьма, – протянул Тагир, потягивая чай.

Лиза грела руки о горячую кружку с растворимым кофе и думала о своем, не прислушиваясь к разговорам. В голове вертелись шестеренки и складывался план, как попасть в Проклятый собор и поговорить с дядей Гордием. Упоминание матери не давало покоя. Если она как-то замешана, то для Лизы это очень, *очень* плохо.

Дурные мысли прервало появление Ника в компании очкарика. Тот обвел кабинет цепким взглядом, останавливаясь поочередно на каждом обитателе. По Лизе скользнул без интереса и замер на рабочем столе с диффузором, гордо топорщащемся палочками. Фишка Ника, от запаха которой остальные демонстративно морщились, но блаженно принохивались, когда никто не видел.

– Твой стол, – утвердительно сказал незнакомец Нику, не обращая внимания на остальных. Не спрашивал, а утверждал. – У тебя так и в машине пахнет. Не изменяешь себе.

Баркалов усмехнулся, и незнакомец вальяжно уселся за его стол. Мажор излучал почти ощутимые волны превосходства, буквально сверкал им, как новогодняя елка. Лиза скривилась и отвернулась. Высшее общество, долбись оно конем. Как же она ненавидела всех этих снобов! Ник не в счет. Он оказался очаровашкой, который почти не бесил.

– Ник, сюда нельзя посторонним, – напомнила Лиза, с неохотой добавив в тон вежливости.

– Лизавета, не тебе сегодня говорить о правилах, – угрюмо огрызнулся Ник. Похоже, он и вправду расстроился из-за мертвеца.

– Наши обсуждения секретны. Люди без допуска не могут здесь присутствовать. Вы должны уйти, – не обратив внимания на выпад Баркалова, настояла Лиза и обратилась напрямую к незнакомцу.

Тот ухмыльнулся и поинтересовался:

– А если я скажу, что получил доступ к секретным сведениям? Расскажите тогда, почему моего друга пришили к зданию, какдохлое насекомое? И почему он перед этим задохнулся?

– Мне плевать на ваш допуск. Вы здесь не работаете. Выход найдете сами. И поторопитесь.

Остальные с интересом наблюдали за едкой перепалкой Лизы и незнакомца, не влезая. Все знали: если Лиза закусилась удила, ей под руку лучше не лезть – может зацепить по касательной.

– А если не уйду? Что мне за это будет?

– Выводишь меня из себя, мальчик? – прищурилась Лиза, забыв о вежливости. Хорош мальчик. Если Ник младше ее всего на два года, то и этот сноб плюс-минус тоже. Но как же его тронул этот почти безобидный выпад! Любо-дорого посмотреть. Даже жилка на виске задергалась.

– Как я посмотрю, вам много и не нужно, чтобы выйти из себя. Нервишки на работе распатались или в детстве, которое вряд ли можно назвать счастливым? Уверен, девочку, которую влечет кровь, сверстники обходили десятой дорогой.

Лиза ничего не ответила на выпад ублюдка. Он знал о ее даре. Наверняка рассказал Баркалов, трепло. Ну что ж, сам напросился.

Она взглянула на придурка исподлобья и позволила сущности показаться наружу. Судя по морщинке между бровей, маленькое представление с алыми зрачками произвело на незнакомца впечатление. Этой особенностью обладали только чистокровные демоны и их ближайшие потомки. Если он не понял, кого видит перед собой, значит, тупой.

– Уверена, тебя и сейчас обходят десятой дорогой, очкарик. Разбила бы тебе очки, но слабых обижать нельзя, – процедила Лиза.

– Лизавета, Кирилл, вы с цепи сорвались, что ли? У нас друга убили! – взорвался Ник и стукнул кулаком по столу так громко, что подскочили все остальные. – Проявите хоть каплю уважения!

– Какой ты все-таки добросердечный, – фыркнула Лиза, но пристыженно замолчала.

– К сожалению, демоны неспособны понять чувства нормальных людей, – огрызнулся ублюдок Кирилл, за что получил очередной пронзительный взгляд алых зрачков. Понял-таки ее сущность. Не такой уж и тупой.

– Лиза права. Николай, выведи отсюда своего друга, а сам возвращайся. Был приказ ждать на рабочих местах, – властно оборвал их перепалку Руслан.

– Ладно, сейчас я уйду, но мы прощаемся ненадолго.

С этими словами ублюдок Кирилл махнул Нику на прощание, пообещал позвонить и вышел вон. Едва дверь кабинета закрылась, четыре заинтересованных взгляда обратились к Баркалову.

– Что он имел в виду? – поинтересовался Тагир. – Этот хмырь устраивается в Управление? Или прям в наш отдел?

– Пока не скажу, но, думаю, ответ вам не понравится.

Как бы его ни пытали, Ник больше не сказал ни слова. Он обиженно посмотрел на Лизу, но та сделала вид, что ничего не заметила. Стыд лениво грыз ее внутренности, а совесть так же лениво помогала. Лизе всегда было плевать, что о ней думали люди, но Ник... Его обижать она не хотела, но обидела. У него погиб друг, а тут они с ублюдком Кириллом. Зато напряжение, копившееся со встречи с дядей Гордием, выплеснулось на подходящую жертву. Осталось ясное осознание: она наведается в собор как можно скорее, пока не наведалься кто-то из старших оперов. А уж в том, что дело поручат именно старшим, Лиза не сомневалась. Ей не впервой приходилось бывать в Проклятом соборе. Выдержит и в одиночку.

– Сейчас, как пить дать, опять вырастет спрос на защитные талисманы, – опять принялся за размышления Тагир. – Барыги, типа недавнего, опять всплывут, как дерьмо в проруби. Напишут людям пустышек вместо талисманов, и никто не знает, что за вред эта дрянь причинит. Но она причинит.

– Когда же переведутся мрази, которые наживаются на людском страхе? – подхватил Денис. – Тогда и у нас работы поубавилось бы.

– Они переведутся, когда окончательно вымрут дураки, готовые покупать кладбищенские штуки у подозрительных бродяг. А то накупят дряни, последние деньги отдадут, а потом звонят сюда и вопят: «Ой-ей-ей, помогите! Людка хрипит, воеет и называет себя женой Тэхена. Она сошла с ума, точно вам говорю, ведь его жена – это я». А нам потом пакуй обеих, пока они друг друга не прирезали за воображаемого корейского мужа, – устало выпалила Лиза.

– А кто такой Тэхен? – вытаращился на нее Тагир и почесал затылок.

– Забей, – махнула рукой Лиза. Ник обязательно похихикал бы над ее шуткой, если бы не был занят скорбью. – Представь на его месте Тимура Агеева. Золотой дворянин, о котором все таблоиды вопят.

Глаза Тагира так и остались вытаращенными. В красивых мальчиках он не сек.

– Ну, этого, который самый популярный в «Айс Лимите». Только не говори, что не знаешь. Их песни из каждого утюга играют. Девчонки даже про корейских айдалов из-за них подзабыли.

– А-а-а, ты об этих... с крашеными волосами. Не разбираюсь я, кто там симпатичный.

– А тебе и не надо, – хихикнула Лиза, но тут же погрустнела.

Шутки шутками, но в словах Тагира прозвучала грустная правда: простой народ, напуганный кровавым представлением на Дворцовой набережной, вновь ринется к бабкам-шарлатанкам, спрос на защитные амулеты взлетит, как цены на отели в Дубае – до небес. Благодатная почва для мошенников всех мастей. Сколько уже раз проходили, не сосчитать. Люди боятся тех, кто может причинить им вред. Пытаются защищаться и попадают на удочку тех, кто считает, что деньги не пахнут. Круговорот лохотрона в природе.

Когда часы подбирались к трем, они наконец дождались Бор Бора с совещания. Он хмуро позвал в кабинет Руслана и Дениса – старших оперов. Как Лиза и предполагала. О подробностях убийства Бор Бор не сообщил, бросив короткое:

– Это дело особой важности и вестись будет старшей оперативной группой. Пошли вон отсюда. Поспите немного. В воскресенье всех жду к началу рабочего дня – будем разбирать наши ошибки на Дворцовой набережной.

Наши ошибки. Лиза, не сдержавшись, хмыкнула. Обычно звучало «*ваши* ошибки». Похоже, Бор Бору ощутимо влетело, и «наши ошибки» принадлежали, в основном, ему самому.

Лиза раздумывала, как избавиться от Ника, но тот вылетел из кабинета первым, даже не попрощавшись. Смерть друга и вправду больно ударила по вечно смешливому Баркалову. Совесть укусила ощутимее, но Лиза выбросила из головы друзей Ника – и живых, и мертвых. Она схватила пыльный бомбер и поспешила к машине.

Над головой темнело небо, затянутое тучами. Обычная петроградская погода. На душе у Лизы стояла такая же мгла. Долбаное предчувствие грызло вместе с совестью, и она с трудом могла отличить одно от другого. По пустым дорогам до набережной реки Карповки она домчалась быстро, наверняка схватив пару штрафов за превышение.

Участок реки, на берегу которой два с половиной столетия назад был построен злосчастный собор, до сих пор остался не облагороженным. Казалось бы, центр города, а это место отпугивало горожан, будто тут завелись призраки. Все знали, кто там содержится и что случится, если эти «кто-то» оттуда вырвутся. Потому и близко предпочитали не подходить.

Собор прятался за высокой каменной оградой, построенной уже после Республиканского кризиса, разразившегося тридцать три года назад, после развала империи. До этого Проклятый собор охраняли только защитные письма на стенах, если не считать тюремщиков.

Лиза заглушила мотор и еще долго глазела на черные шпили, устремленные в небо. Это наглость – просто так заявиться в тюрьму для демонов и требовать свидания с заключенным, даже не ведя дело. Но Лиза брала любые преграды наглостью и смелостью. Возьмет и эту.

Те самые наглость и смелость привели ее в темную камеру, прямо к доброму дядюшке Гордию, который, не скрываясь, смеялся Лизе в лицо.

– Ты – талантливая ученица, но очень наивная маленькая девочка. Мне под силу сделать так, – сердце Гордия вдруг перестало стучать, – и ты больше ничего не прочтешь.

Лизе на миг показалось, что лопнули барабанные перепонки. Она так старательно вслушивалась в биение его сердца, что внезапная тишина заставила усомниться в собственных ушах.

– Что скажешь теперь, всесильная чтица человеческих сердец? Ты – просто маленькая полукровка, оказавшаяся неудачным экспериментом собственной матери. Мне жаль подтверждать это, комарик.

– Где. Моя. Мать? – прошептала Лиза и подошла почти вплотную. От дяди Гордия пахло чем-то цветочным и приторно-сладким. В глазах с алыми зрачками плясали бесята, которые, увы, никогда не отличались добротой. Сдавить бы ему горло, да только для него это почувствуется не более чем щекоткой. Ублюдок!

– Соскучилась, комарик?

– Хочу убедиться, что она не испортит мне жизнь. Снова.

Гордий рассмеялся – весело, но абсолютно сумасшедше.

– Комарик, ты так и не поняла одну простую истину: она тебя создала, и потому твоя жизнь принадлежит ей.

– Она исчезла на четырнадцать лет. Пусть катится в ад, – рыкнула Лиза. Еще движение, и их носы соприкоснутся.

– Поверь, там она побывала. Лучше расскажи, как тебе мое представление?

– Ты специально его устроил, чтобы отвлечь внимание от задохнувшегося трупа?

Гордий взвизгнул от радости.

– Ты поняла? Ох, как приятно! Я боялся, что ущербные из вашего Управления не свяжут между собой две простейшие переменные. А вы связали! Я в восторге и оргазме, все сразу.

– И конечно же, ты не расскажешь, зачем это сделал? – устало уточнила Лиза.

– Комарик, мы не настолько близки, чтобы я доверял тебе свои грязные секретики.

Гордий красноречиво поиграл бровями. Лиза схватила его за грудки и прошипела:

– Мне хватает воспоминаний, в которых вы с матерью занимались сексом так громко, что я закрывала уши. Не смей намекать мне ни на что подобное.

– Жаль. Я бы не отказался попробовать своего маленького комарика.

Гордий откровенно облизнулся, и Лиза сильнее сжала воротник его тюремной робы.

– Мать следит за мной? – рыкнула Лиза, применяя излюбленную уловку – перемену темы.

– А как ты думаешь, комарик? Вот как ответишь, так и есть. – Гордий улыбнулся еще шире.

– Чего она хочет?

– Чтобы ты вернулась. Хоть эксперимент и не удался, ты остаешься ее дочерью. Ты должна быть рядом.

– А ты должен сгнить в этом соборе. И сгниешь за то, что совершил.

– Приходи через десяток лет посмотреть на меня, гнилого. Может, тогда у нас что-нибудь и срастется, комарик. Ради такого волнующего опыта я готов подождать и даже немного погнить.

Лиза поморщилась, едва подавив желание убить ублюдка. Впрочем, как бы у нее это получилось? Только в мечтах.

Она вернулась за соляную границу и заколотила в дверь. Встреча не принесла пользы, но Лиза хотя бы попыталась. Одно она поняла совершенно точно: мать где-то рядом и намерена разрушить жизнь Лизы до основания, чтобы слишком самостоятельной дочери ничего не

осталось, кроме как вернуться под материнское крыло. Куда еще пойти полукровке-демону? Пока что – домой, где с нетерпением ждала расстеленная кровать. А завтра будет видно.

– Вы дрожите еще сильнее, – пробасил охранник и даже положил Лизе на спину большую ладонь, заботливо придерживая.

Лиза отшатнулась. Судя по испуганному виду мужчины, ее зрачки вновь полыхнули красным. Лиза ненавидела, когда ее касались без спроса. На чужие слова ей было плевать, но вот прикосновения... Слишком много пришлось вынести ее телу в детские годы, чтобы смириться с непрошеными касаниями. В кругу отца Лизу прозвали нелюдимой. Это не сверстники шарахались от нее, как сказал ублюдок Кирилл. Это она шарахалась от сверстников. И ненавидела их. Особенно того, кого однажды неосторожно назвала другом.

– Допрос прошел удачно? – участливо спросил охранник.

– Нет, демон не колется. Его позже допросят мои коллеги.

Другим операм Гордий точно ничего не расскажет. Лиза слишком хорошо помнила его ублюдочное упрямство.

* * *

– Если хочешь спрятаться от них, то посиди здесь. Я тебя не выдам. Нет, лучше посижу с тобой. Скатерть длинная, нас не видно, – заговорщически прошептал мальчишечий голос. – *Этот стол – наша крепость.*

А потом уже в который раз скатерть поднялась, и под стол заглянул отец. Он смотрел на Лизу бесконечно устало и раздраженно. Еще бы – десятилетняя девчонка забилась под стол, как звереныш. Она пряталась от бесконечных издевок, но разве отца это волновало?

Стоило ему протянуть руку, чтобы грубо выволочь ее из-под стола, Лиза, как это обычно и бывало, проснулась. очередной сон-воспоминание из детства. Несмотря ни на что, Лиза любила этот сон. Он возвращал ее во времена, когда она могла забраться под стол и спрятаться от мира. У нее даже появился маленький поделщик – щуплый, низенький мальчишка лет семи, лица которого она уже совсем не помнила. Единственный мужчина в ее жизни, проявивший себя рыцарем. Пусть даже это рыцарство заключалось лишь в том, чтобы прятаться вместе с ней под столом, будто это не смешно и не унижительно.

Каждый чертов раз отец показывал Лизу десяткам людей, как панду в зоопарке, а она слышала их кровь и сердца! Это сводило с ума. Вскоре Лизу стали прятать, потому что она пугала друзей отца дикими повадками и нелюдимостью. Позже, намного позже она обуздала свою сущность с помощью учителей, и в ушах наконец воцарилась тишина.

С каким удовольствием Лиза спряталась бы сейчас под стол, накрытый белоснежной скатертью, и притворилась, что вокруг стены нерушимой крепости, но взрослая жизнь догнала ее с мелодией будильника. Лиза проспала вторую половину вчерашнего дня и всю ночь. Сегодняшний выходной, конечно, отменялся. Впереди ждал разбор полетов от Бор Бора.

Лиза прошлепала босыми ногами к кухонному уголку и забралась на барный стул, прежде стряхнув с него топ, который вчера бросила, раздеваясь. Джинсы, кстати, голубым пятном валялись неподалеку. Она сделала огромную кружку кофе, добавила туда молока, сахара и немножко утренней безысходности. В голове безостановочно вертелись слова Гордия. Он наверняка был замешан в чем-то масштабном, Лиза в этом не сомневалась. И представление устроил, чтобы привлечь к себе внимание. Не мог Гордий настолько отупеть, чтобы добровольно подставиться. Возможно, его взяли за жабры так крепко, что отказаться было невозможно. Но что произошло с трупом? Почему именно этот золотой дворянин?

Воспоминания о матери не покидали. Они с Гордием были любовниками и поделщиками. Лиза помнила много колдунов и странных существ, которые то и дело сновали в стенах материнского дома. Она привечала всех и получила огромное влияние в криминальных кру-

гах после развала империи. В темные времена, погруженные в бандитизм, люди с магией в крови превратились в царей зверей. Мать Лизы стала царицей прежде, чем связаться с царем. И царем оказался отнюдь не Гордий.

Лиза не переставала размышлять, пока заплетала любимые два колоска, пока привычно отточенными движениями подводила стрелки на часах, пока выбирала, что надеть, пока натягивала рваные джинсы с коротким черным топом, пока допивала кофе, глядя в полукруглое окно на соседний дом. Ни к чему так и не пришла.

Она вышла из парадной старого дома, на третьем этаже которого обитала вот уже шесть лет, и осмотрелась. Чужое присутствие свербело под кожей. Топ не скрывал ее защитные тату. Пусть видят! Кто знает, что это, тот поймет. На нее теперь воздействовать не так-то просто, детство кончилось!

Мысленно обозвав себя параноиком, Лиза ткнула средний палец куда-то в пустоту и неторопливо направилась к машине. Если кто-то и следил, то ни в коем случае нельзя показывать волнения. Это как встретиться лицом к лицу с собакой. Выдашь страх, и ты – жертва.

Громкая музыка в «Москвиче» заглушила зацикленные мысли Лизы. Утром в воскресенье пробок на дорогах почти не накопилось, поэтому к зданию службы безопасности она подъехала за полчаса до начала рабочего дня. Наметанным взглядом выхватила двух журналистов, топтавшихся у центрального пункта пропуска. Наверняка уже пронюхали о распятом трупе. Лиза не могла ругать их за излишний интерес, потому что ее саму сжирало любопытство оперативника. Хотелось выпросить у Бор Бора это дело и рыть носом землю, чтобы связать все ниточки в клубок, который наверняка приведет к Гордию и его пособникам. Но кто ж ей даст?

Привычно зарулив в любимую кофейню, Лиза вышла оттуда с большим стаканом карамельного латте и поплелась к пункту пропуска Управления по особым делам. Охрану усилили. Двое знакомых верзил обыскали ее так тщательно, будто видели впервые в жизни. Даже в кофейный стаканчик хотели заглянуть, но, видимо, здравый смысл покинул их не полностью.

Лиза ухмыльнулась ехидной мысли, что охрану всегда усиливают уже *после* того, как что-то произошло, а не *до*. Умом Россию не понять, как писал Тютчев.

Их кабинет пустовал, но в кабинете напротив кто-то копошился. Приоткрыв дверь, Лиза с улыбкой окликнула Марка – еще одного старшего оперативника. Он провел в Казани две недели, и за это время она успела соскучиться по их дружбе с нотками флирта.

Марк рассказал, что вернулся всего пару часов назад по срочному вызову Бор Бора. Вот-вот должен был приземлиться в Петрограде и Ильдар – четвертый член старшей опергруппы. Их обоих вырвали из важных командировок из-за распятого трупа. И Лиза, честно говоря, была благодарна трупу золотого дворянина за возвращение Марка. Без него у ее будней пропала искорка.

Их отношения нельзя было назвать простыми с самого начала. Очаровательный любимец женщин (благодаря крови огненного змея, который когда-то изнасиловал его прабабку), Марк Родин четыре года назад положил глаз на молоденькую Лизу Кёлер – выпускницу Особого факультета Академии РСБ. Лиза по наивности его обаянию поддалась, но виду не подавала, продолжив игнорировать откровенные подкаты. Она отталкивала людей острым характером, оставляя за собой шлейф впечатления как о первоклассной хамке. Марк со временем поумерил пыл – ему надоело тратить время и наткаться на колкости.

Недолго думая, он переключился на новенькую криминалистку, а Лиза молча ревновала, пока Марк встречался с той самой криминалисткой, потом с ее подругой, потом – с какой-то девушкой из ночного клуба. Конечно же, приятней ее характер от этого не становился, и шутки в сторону Марка летели все острее. Но он, что удивительно, приноровился и даже научился ей отвечать. С тех пор их отношения улучшились и переросли в полуфлирт-полусарказм. Оба больше не предпринимали активных действий, но однажды даже поцеловались, напившись на корпоративе в честь Дня работников органов безопасности. Лизе нравился этот азарт, с кото-

рым они с Марком ходили вокруг да около, нравилось, как он, не скрываясь, поглядывал на нее в тренажерке, как стремился угодить. Это маленькое развлечение скрашивало ее давнишнее одиночество.

Лиза нагло уселась на стол Родина и, лениво болтая ногами, рассказала, почему его вызвали из командировки. Она знала, что Марку нравился ее облегающий топ и полоска обнаженной кожи над поясом джинсов. Пусть смотрит, с нее не убудет.

– Вот блин, я уже почти затащил в постель местную начальницу отдела. Почему мы с Ильдаром понадобились Бор Бору именно сейчас? Подумаешь, труп. Мало их, что ли? – возмутился Родин. Он давно не скрывал от Лизы своих походов, а она давно не ревновала. Почти.

– Не могу до конца проникнуться твоей обидой, сладенький, – фыркнула она. – Похоже, убитый мажор куда важнее, чем кучка упырей.

– Ты вот не понимаешь, женщина, какая это потеря для Казани, но Динарочка – та самая начальница – понимает и даже номерок свой оставила.

– Ах, бедняжка. Не удержала рядом столичного Ван Хельсинга. Придется ловить упырей самой.

– Ну, она не настолько хороша, как Кейт Бекинсейл. Поэтому Ван Хельсинг уехал почти без сожаления.

Лиза фыркнула и насмешливо протянула, гордо задрав нос:

– Как хорошо, что в нашем отделе есть, на кого посмотреть. Даже Кейт Бекинсейл позавидовала бы.

– Это ты про Тагира? Он, определенно, красивее ее, – хохотнул Марк и молниеносно увернулся от летящего в него степлера. – Шучу, императрица. Ты красивей Тагира. Особенно когда зыркаешь своими красными глазищами.

Марк окинул ее красноречивым взглядом, а Лиза привычно выдержала его, так же заинтересованно взглянув в ответ. Окружающие считали ее дерзкой и самодостаточной девушкой, которая оставляет после себя яркое впечатление или яркую мигрень. Пусть так и продолжится. В конце концов, Родина смело можно записывать в красавчики – спортивная фигура с широкими плечами и плоским животом, русые волосы, карие глаза, упрямая линия челюсти и легкая небритость, а еще пухлые губы, на которые Лиза смотрела непозволительно часто. Ей нравилось его внимание, хоть она вовсе не считала себя особенной или даже красивой, что бы ни утверждала вслух.

– Может, сходим в кино? Сто лет там не был, – вдруг предложил Марк, словно почувствовав неуловимо изменившуюся обстановку. В его пользу изменившуюся.

– Ты и правда хочешь потратить два часа, чтобы пялиться на экран в темноте? – изогнула бровь Лиза.

Марк не успел ответить, потому что дверь открылась, и в кабинет ввалился хмурый Ильдар.

– Воркуете, голубки? Там Бор Бор вызывает, – хмуро бросил он, устало, но понимающе посмотрев на Лизу и Марка. Уж кому, как не лучшему другу, знать, что Родин жить не мог без соблазна очередной дурочки.

Но что, если в этот раз дурочка сама решила соблазниться? Что угодно, только бы перестать чувствовать кожей чужую слежку.

Дверь в кабинет Бор Бора была гостеприимно распахнута. Лиза не обольщалась – никаким гостеприимством там не пахло. Сейчас их поимеют во всех позах, даже в тех, которые не встретишь в Камасутре. За большим овальным столом для совещаний уже собрались все опера. Они с Марком вошли последними. Лиза потянулась к двери, чтобы закрыть, но Бор Бор остановил ее.

– Мы ждем еще одного человека, – сказал он спокойно и тихо.

Ничего себе! Бор Бор даже слишком спокоен. На его лице читалось смирение. Разве с таким лицом распекают отдел за ошибки? Лиза нашла Ника, который выглядел помятым. Похоже, всю ночь не спал. Совесть вновь забеспокоилась. Лиза настолько увлеклась собственными демонами в прямом и переносном смысле, что позабыла о потере Ника.

– Кого ждем, Борис Борисыч? – простодушно поинтересовался Марк, усаживаясь рядом с Лизой и расслабленно закидывая ногу на ногу.

– Нового сотрудника.

Бор Бор устало опустился в кресло во главе стола. Он казался еще более измученным, чем вчера утром.

Лиза снова взглянула на Ника. Похоже, вот-вот откроется тот секрет, который он им не выдал. Ублюдок Кирилл – их будущий коллега. Вот счастье-то!

Через пару минут в коридоре послышались шаги, и тот самый Кирилл ступил в кабинет. Он осмотрел собравшихся и закрыл за собой дверь. Сегодня он напоминал офисного прыща еще больше, чем в прошлый раз. Серые брюки сменились черными, белая рубашка – белой рубашкой, часы остались теми же, как и очки. Как и надменная рожа.

– Приветствую, коллеги, – коротко бросил он, ни на кого конкретно не глядя.

– Знакомьтесь. Это Кирилл Алексеевич Воронцов. С завтрашнего дня он начальник Первого отдела, – как ни в чем не бывало произнес Бор Бор. Не сказал, а будто выстрелил из пушки, потому что Лиза, кажется, оглохла.

Глава 3. Кресло для мертвой барыни

Начальник? Этот малолетка?! Впрочем, если ты сын начальника Управления по особым делам, кто ж тебе запретит подниматься по карьерной лестнице на лифте?

– А вы? – выдавила Лиза. Нет-нет-нет, как же отдел без него? Как же она без бесконечных трепок? Все они вкрай обнаглеют, этого нельзя допускать!

– А я назначен третьим заместителем начальника Управления, – помолчав, ответил Бор Бор. Вот теперь-то его мимика выдала обиду. Им пренебрегли, вроде бы и повысив, но тем самым здорово унизив. Бор Бора списали со счетов, спустили в утиль, поставив на его место сопляка.

– Борис Борисович, поздравляю с назначением. Карьерный рост – это важно для человека с таким колоссальным опытом, как у вас. Уверен, вы еще много сделаете для Управления на новой должности, – безукоризненно вежливо отчеканил Воронцов. На его губах застыла дежурная улыбка, от которой буквально веяло той самой дежурностью и лукавством. Воронцов наслаждался незаслуженной победой, и это наверняка видели все, а не только Лиза.

– Довольно дежурных фраз, Кирилл Алексеевич. Продолжите сыпать ими завтра, когда вступите в должность. Сегодня же займите свое место и послушайте *пока что* начальника Первого отдела, – отрезал Бор Бор, отчего Лиза гаденько ухмыльнулась. Так его! – Похоже, в городе объявился демон, чей дар еще ни разу не встречался и не описан ни в одной книге.

Совещались долгие несколько часов. Лизе от Бор Бора досталось так красочно, что можно бы и записать на память. Впрочем, ублюдок Кирилл как раз записывал. Прочтет перед сном, каких идиотов заполучил себе в подчиненные? Молокосос недоученный!

Когда Бор Бор распустил их по рабочим местам, стрелки часов застыли на двух часах, будто издеваясь: «Обед уже прошел, лузеры. Кто не успел, тот опоздал». Этот день уже не мог стать хуже.

Пришлось пошуршать по ящичку стола, чтобы отыскать недоеденный батончик без сахара. Лиза берегла фигуру вообще-то... временами... по настроению.

Задумчиво жуя, она наблюдала за Ником. На сегодняшнем совещании он говорил только по делу, не отпустив ни одной шуточкой. В его лукавых карих глазах поселилась настороженность. Ник даже волосы не уложил, как обычно. Все, что в нем сегодня сверкало, это любимая сережка с бриллиантом, а не улыбка. И Лизе ее не хватало сильнее, чем она готова была себе признаться.

Пока все хмуро доедали запасы подножного корма, а Тагир в очередной раз звонил девушке и боролся с чередой вопросов «Почему ты не берешь трубку? Нашел себе другую?», Марк вплыл в кабинет вместе с ароматом сладких духов и обворожительным взглядом. Его тонкие черты лица будто бы преображались, когда он видел жертву. В крови Родина все же осталось немало от огненного змея.

Лиза вопросительно подняла бровь, но изумилась по-настоящему, когда Родин поставил перед ней большой стакан латте.

– Она скоро чесаться начнет от кофе, – подал голос Ник, неодобрительно глядя на Марка.

Лиза мысленно похлопала в ладоши. Ник защищал ее, это приятно. Он не очень-то жаловал Марка и каждый раз, увидев его с очередной девушкой, сокрушался Лизе, какой же нужно быть душой, чтобы повестись на подкаты «главной подстилки среди нечисти».

Сейчас же очередной душой Лиза назначила себя сама. Слишком много мыслей вперемешку с агонией застарелой боли гнались по пятам, подгоняемые одиночеством. Лиза совсем нечасто нуждалась в утешении, но сегодняшний сон с мальчишкой, прячущимся вместе с ней под столом, сломал последнее сопротивление. Если она рухнет под гнетом нависшей опасности, не помогут уже ни сигареты, ни кофе, ни вино.

– Выключи заботливую бабулю, Баркалов. Тебе не идет, – беззлобно огрызнулся Марк и придвинул к Лизе стакан. Ник закатил глаза, без слов показывая, что он думает о заведомо провальной попытке Родина подкатить к ней.

Однако Лиза сегодня удивляла не только саму себя, но и Ника. Она коротко улыбнулась и с удовольствием отпила. Сладкий! Марк попал в точку.

– Слушай, а ты часто ложишься спать, не поужинав? – понизил голос Родин, позабыв о Нике.

– Частенько, – заинтригованно протянула Лиза.

– Сегодня этого точно не случится.

– Это ты так приглашаешь меня на ужин, сладенький?

– Сейчас кому-то влепят по яйцам, – хохотнул Тагир.

– Ставлю штуку, что после ее удара он останется импотентом, – процедил Ник.

– Мог бы и побольше поставить, жлоб, – окрысился Тагир.

– Дороже его яйца не стоят.

Лиза чуть не покатила со смеху. Репутация бежала впереди нее, но Марк не испугался, да и никогда не боялся. Слабоумие и отвага, как говорится. Второй человек в ее веселом лагере.

Лиза чуть заметно улыбнулась Родину и ничего не ответила. Он понятливый, поймет и такой ее жест.

И он понял... наверное. Интригу момента разрушила распахнувшаяся дверь.

– Баркалов, собирайся. Сегодня мы – те самые охотники за привидениями, – объявил Воронцов, величественно прошагав к столу Ника.

– Так ты разве... уже получил допуск к делам? – изумился Ник.

– Это дело – вроде как мой экзамен. Так сказал ваш *пока что* начальник.

Воронцов попытался не скривиться, но у него плохо получилось.

– Ваш *пока что* начальник пока что не глухой, – буркнул Бор Бор, неожиданно вошедший следом. Вздрогнул даже Воронцов. – Я понимаю, Кирилл Алексеевич, что ты лучший студент на курсе, «золотой мальчик», папина гордость и мамина радость, успел поработать в МИДе и все такое, но сейчас ты салага, которому предстоит руководить отделом. Набирайся опыта, пока можешь, иначе не справишься с операми, которым впору писать свою версию страшных сказок братьев Гримм.

Переиграл и уничтожил. Лиза с обожанием взглянула на начальника и даже тихо заплодировала. Какая прелесть, когда Бор Бор ругается не на нее!

– А ты не паясничай, Кёлер. С ними поедешь. На набережной Фонтанки призрак бабки новым жильцам квартиры покоя не дает. Марой стала бабуля, а при жизни судьей несколько десятков лет отпахала. Надо бы выяснить, чего хочет.

Лиза мигом поникла. Вот так и поддерживай неблагодарных начальников. Работать с Воронцовым! Кажется, пять минут назад она сказала, что этот день не может стать хуже. Ошиблась. Это надо было говорить сейчас. Идеальный момент для нытья.

– Мы можем взять с собой кого-то другого с демонической кровью, – отрезал Воронцов.

– Нет уж. С удовольствием передаю тебе, Кирилл Алексеевич, свою постоянную головную боль. Возись с ней сам.

– Борис Борисыч, после стольких лет я рассчитывала на пару добрых слов, – наигранно возмутилась Лиза.

– Ах да, оперативник из нее получился лучше, чем я ожидал. И еще: Елизавета – дочь чистокровной демоницы. В этом деле она куда полезней любого из нас.

– Ну ладно, извинения приняты. – Лиза удовлетворенно кивнула и высокомерно взглянула на Воронцова.

– Хорошо, я возьму ее с собой, но при условии не открывать рта, пока не спросят. Вчера я уже наслушался.

– Извини... те за очкарика, – с улыбкой протянула Лиза. По ее виду только дурак бы не понял, что извинения подозрительно пахивают издевкой.

– Условие уже действует: не открывать рта, пока не спросят, – безукоризненно вежливо напомнил Воронцов, но его голубые глаза за очками недобро щурились. Они кричали: «Вот мы и выясним, кто из нас тут главный».

«Малолетка. С кем ты тягаться собрался? Я Бор Бора приручила, с тобой справлюсь за неделю», – подумала Лиза, но благоразумно промолчала. Правда, промолчала с таким видом, будто мысленно прокляла весь род Воронцовых до седьмого колена.

До набережной реки Фонтанки, где и оберегала свою квартирку призрачная бабуля, добрались не так-то быстро – с начала мая в Петроград стекались туристы, поэтому пробки в центре города после обеда выстроились нешуточные.

Лиза величественно восседала на заднем сиденье мощного, как танк, кроссовера «Мерседес», впечатлившего ее не только кузовом глубокого серого цвета, но и «начинкой». Если до сего момента она втайне мечтала о юрком синем «БМВ», как у Ника, то машина Воронцова разорвала все ее представления об идеальном авто и построила их заново. Но Лиза скорее оторвала бы себе язык, чем похвалила машину Воронцова вслух.

Небо снова затянуло, и на Петроград следом за тяжелыми каплями обрушился целый ливень. Воронцов с трудом нашел место для парковки, но непогоду пришлось пережить в машине. Лиза демонстративно смотрела в окно, тихонько вдыхая запах нового салона. А авто было новым, и она это видела. Папочка поздравил сынулю с незаслуженным назначением?

Воронцов и Ник тоже молчали, по всей видимости, не желая заводить разговор об убитом друге при ней. А вот Лиза с удовольствием обсудила бы предположение Бор Бора о неизвестном демоне, которому чем-то помешал Дмитрий Давыдов – аристократ из Золотого списка, наследник рода Давыдовых и, соответственно, их дара. Теперь магия перейдет к его младшей сестре, но по закону природы ослабнет, потому что передана не от родителя к ребенку, а от убитого наследника. Со временем она продолжит ослабевать, ведь из поколения в поколение разбавляется новой кровью, а кровосмешение у дворян не в почете. Если наследники начнут рождаться без дара, род Давыдовых пропадет из Золотого списка.

Лиза до нервной чесотки жаждала знать, чем Дмитрий насолил убийце и как к этому оказались причастны Гордий с ее матерью. При Лизе даже словом не упоминали Давыдова, хотя Ника подмывало – она видела. Она слишком хорошо знала Баркалова, и обычно он не тушевался перед людьми. Воронцов действовал на дурашливого Ника как ледяной душ, и это тоже не давало Лизе покоя. Она обожала копаться в том, чего не понимала.

– Думаю, нужно проговорить план действий, – наконец заговорил Воронцов.

– Да что там проговаривать? Если мара приходит к новым хозяевам по ночам, душит их и пугает, насылает кошмары о грабителях и пожарах, значит, хочет выкурить их из квартиры, – подхватил Ник.

– Ну да, все довольно очевидно. – Всего несколько слов, но сколько в них величия. Откуда в Воронцове столько? – Бабка всю жизнь проработала судьей, с мужем разошлась больше двадцати лет назад, дети давно живут отдельно. Все, что у нее оставалось, это квартира и воспоминания о громких делах. Бабуля умирает, а детки вступают в наследство и продают квартиру – ее последнюю крепость. Конечно, она возмущена.

– Нужно дождаться, пока бабка появится, и расспросить ее, – воодушевленно подхватил Ник. – Лизавета нам в этом поможет. Правда же?

Ну да, вспомнили, зачем взяли с собой демоническое отродье. Вот незадача для наследников магии волхвов, в каких-то лохматых веках поцелованных самими богами: контролировать нечисть могла только высшая нечисть. Демоны то есть. Да и убить демона под силу только демону, потому-то и томились они в Проклятом соборе.

Лиза лукаво ухмыльнулась, не отрывая взгляда от бесконечных капель на стекле. Дождь никак не ослабевал.

– Эй, вампириша, слышишь?

«Мстит за мальчика... или за очкарика», – мысленно хихикнула она, но сохранила каменное выражение лица.

– Кёлер! Я же знаю, что ты паясничаешь! – воскликнул Ник и раздраженно обернулся. Следом за ним повернулся и Воронцов.

– Почему паясничаю? Мне было велено молчать, пока не спросят. Уж простите, но на вампиришу не откликаюсь – это не мой вид. А если вам, Кирилл Алексеевич, не дают покоя фантазии о всякого рода... сосущих существах, то советую найти себе девушку. Можете даже попросить ее побыть вашей вампиршей.

– Нечисть меня не привлекает, так что оставлю прозвище тебе. С невестой мы играем в другие игры, – ответил Воронцов и самодовольно отвернулся.

Ник не сдержался и тихонько хихикнул. Похоже, его забавляли их перепалки.

– Призрака, ставшего марой, держит на этом свете какая-то навязчивая идея. Оттого она и вредит людям – на что-то намекает. Когда бабуля умерла, квартира еще не была продана, но она не отправилась в мир иной. Ее душа осталась неприкаянной. Почему? Потому что цель не достигнута, дело недоделано. Поэтому я бы, в первую очередь, проверила ее должников и детей. Может, украли что-нибудь у бабки, вот она и рассердилась. Или убили ее. Такое тоже бывает.

Воронцов бросил на нее короткий взгляд в зеркало заднего вида, и голубые глаза под очками смягчились.

– Вам бы с невестой «Большую книгу нечисти» почитать вместо игр. Знания – сила, – проворчала Лиза.

– Обязательно ей это предложу, – буркнул Воронцов и замолчал – о чем-то задумался.

Он открыл блокнот и набрал записанный там номер. Оказалось, что принадлежал он старшей дочери покойной. Воронцов попросил (практически приказал) приехать для разговора вот прямо сейчас. Тон нового начальника не терпел возражений, и даже дочь судьбы не смогла ему противиться.

– Через полчаса будет, – сообщил им Воронцов, сбросив вызов. – Она-то нам и расскажет об отношениях с матерью, должниках и работе. Старуха уже больше десяти лет сидела в отставке, но, возможно, у нее остались дела, по которым она приняла неверное решение, или должники, не вернувшие деньги.

«Быстро учится», – подумала Лиза, припоминая случайно оброненные Бор Бором слова о работе в Министерстве иностранных дел.

– Ты работал в МИДе? – тут же с любопытством озвучила она свои мысли.

– Не ты, а вы.

– Ага, ну так что? Ты-вы там работал?

Воронцов закатил глаза, деловито поправил очки и нехотя ответил:

– Да, около года.

– Много где побывал?

– В Китае и Южной Корее, если ты о работе, – усмехнулся он.

Пожалуй, это единственный плюс, который Лиза видела в Воронцове. Ух, она ка-а-ак съездила бы в Корею, как посмотрела бы на айдолов хоть одним глазком, как окунулась бы в культуру, которую видела только в дорамах, но работа в Управлении закрыла все пути за границу. И к айдолам.

– Ты променял Азию на Первый отдел?

Сомнительный обмен. Для нее – просто кошунственный.

– Отец с детства готовил меня на эту должность. Она у нас семейная. Не знала, что ли?

Лиза задумалась. И вправду, Воронцов-старший в свое время служил начальником Первого отдела, а до него – его отец. Он-то и создал Управление по особым делам, изначально состоявшее лишь из Первого отдела, который в те года звался Особой службой. После падения империи, когда оказалось, что для защиты столицы и помощи регионам недостаточно пары десятков оперативников с демоническим даром, штат расширили. Добавили Второй и Третий отделы, отдел криминалистов, отдел судебной медицины, штат тренеров, канцелярию и снабжение. Так и получилось полноценное Управление. Возглавил его, конечно же, основатель, а следом – его сын, Алексей Воронцов. Значит, Кирилл, как сын монарха, пришел на место отца. Когда-то он встанет у руля Управления. Какие уж тут иностранные дела, когда светит такая власть?

– Не думала, что монархия в наше время существует не только в учебниках истории, – пробурчала Лиза, кривя душой. Уж она-то знала о власти семей из Золотого списка не понаслышке.

– Еще скажи, что дворянство искоренили, все теперь равны, и социализм из утопических книжек вот-вот постучится в окошко. Я с удовольствием посмеюсь, – хмыкнул Воронцов.

– Да кто я такая, чтобы спорить с золотыми дворянами?

Лиза замолчала, угрюмо скрестив руки на груди. Воронцов с Ником тоже больше не возвращались к неприятному разговору.

Дождь ослабел как раз к тому времени, когда вот-вот должна была приехать дочь покойной. Они не стали дожидаться ее под открытым небом и перебежками добрались до дома, где на втором этаже расположилась та самая беспокойная квартира. Лиза сразу подметила богатую архитектуру недавно отреставрированного здания. Его выкрасили в светло-бежевый цвет, обновили фасад, перекрыли крышу, поменяли двери парадных на металлические, но строение не утратило духа своей эпохи и все еще походило на богатый доходный дом. Их на Фонтанке за последние два века выстроили множество. Какие-то, вроде доходного дома Фокина, после развала империи заняли магазины, кафе и офисы. Какие-то так и остались жилыми, но квартиры там в первые годы после образования Республики выдавали особо видным политическим деятелям и влиятельным гражданам. Похоже, покойная бабуля как раз была из таких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.